

Д.А. Аксенова (Москва, Россия)

Нижний мир в лирике О.Э. Мандельштама: комментарии к теме

Аннотация: Статья представляет собой комментарий к теме «нижний мир» в лирике О.Э. Мандельштама. Утверждается близость загробного мира лирическому герою поэта. Проанализированы нелейтмотивные для творчества данного поэта образы, относящиеся к подземному царству мертвых: жаба («Здесь отвратительные жабы...»), Эреб («Я вижу каменное небо...»). Выявлена их связь с древнегреческой мифологией. Сделаны дополнения, касающиеся семантики образа ласточки-дочки и челнока в стихотворении «Что поют часы-кузнечик...»; в частности, предлагается трактовка отдельной строфы, альтернативная интерпретации стихотворения, сделанной К. Тарановским; дается комментарий к интерпретации Ю.И. Левиным некоторых строк стихотворения «Меганом». Добавлены параллели к образу черного солнца (из древнеегипетских и древнегреческих мифов), сделаны обобщения, касающиеся образа черного солнца и образа пчел. Результат исследования показывает, что мотив нисхождения лирического героя в подземный мир является главенствующим и определяющим для мифологического пласта лирики О.Э. Мандельштама.

Ключевые слова: Мандельштам, нижний мир, миф, образ, параллель

D.A. Aksenova (Moscow, Russia)

The Lowworld in the Lyrics of O.E. Mandelstam: Comments on the Topic

Abstract: This article is a commentary on the topic “the lowworld” in the lyrics of O.E. Mandelstam. The closeness of the afterlife to the lyrical hero of the poet is confirmed. The images related to the underground kingdom of the dead are analyzed: toad (“There are disgusting toads here...”), Erebus (“I see a stone sky...”). Their connection with Greek mythology is revealed. Additions concerning the semantics of the image of the swallow-daughter and the boat in the poem “What the grasshopper-clock sings...” are made, in particular, an interpretation of the stanza is proposed, which is an alternative interpretation of the poem made by K. Taranovsky. A commentary is given on Levin’s interpretation of some lines of the poem “Megan”. Parallels to the image of the black sun are added (from ancient Egyptian and ancient Greek myths). Generalizations concerning the image of the black sun and the image of bees are made. The result of the study shows that the motif of going down of the lyrical hero into the underworld is the dominant and determining one for the mythological layer of O.E. Mandelstam’s lyrics.

Key words: Mandelstam, the underworld, myth, image, parallel

О том, как отобразился нижний мир и его атрибуты в стихотворениях О.Э. Мандельштама, написано достаточно много. Так, выделены главные образы, такие, как черное солнце и ночное солнце [Сошкин 2013], [Мордвинов 1994], слово-ласточка [Иванов 2016], Персефона и Прозерпина [Ковалева 2005], мотив нисхождения Орфея в подземное царство [Минц 2006], [Гаспаров 1995]. Наша цель, не повторяясь, дать комментарии и дополнения к теме, а также отметить некоторые нелейтмотивные для творчества Мандельштама образы, связанные с нижним миром.

Нижний мир определим как мифологическое подземное царство мертвых. О том, что он ближе лирическому герою Мандельштама, следующие строки:

Заблудился я в небе – что делать?
Тот, кому оно близко, – ответ...
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть. [Мандельштам 2017: 251]

В данной строфе наблюдаем противопоставление нижнего мира (ад Данте), более близкого лирическому герою, верхнему, миру небытия, небу, року. Однако высшие силы сильнее ощущаются лирическим героем. Об этом говорят строки из другого стихотворения с тем же началом: «Ты, который стоишь надо мной...» [Мандельштам 2017: 252]. В некоторых стихотворениях («Меганом», «Здесь отвратительные жабы...») герой делает выбор в пользу царства мертвых и отвергает земную жизнь, однако избавиться от власти рока ему не удастся – он так и остается «заблудившимся в небе».

1. Здесь отвратительные жабы
В густую прыгают траву.
Когда б не смерть, так никогда бы
Мне не узнать, что я живу.

Вам до меня какое дело,
Земная жизнь и красота?
А та напомнить мне сумела,
Кто я и кто моя мечта. [Мандельштам 2017: 22]

Жаба мифологизирована в культуре многих национальностей (например, корейская, вьетская). В сознании русского человека она имеет неприятные ассоциации. Энциклопедия «Мифы народов мира» не дает информации о жабе, однако нельзя отрицать, что, как и лягушка, она «приурочена соответственно к корням и к нижнему миру, прежде всего к подземным водам» [Мифы народов мира 2008: 614–615]. В Древнем Египте с головой лягушки изображался Амон – солнце-божество подземного мира [Мифы народов мира 2008: 615].

В стихотворении образ жаб в первой строфе противопоставляется «земной жизни и красоте» во второй строфе за счет эпитета «отвратительные». Основу для противопоставления задает композиция: 3-я и 4-я строки каждой строфы объясняют причину предпочтения лирическим героем смерти перед жизнью. 1-я и 2-я строки задают описание смерти и жизни соответственно. Равнодушие и безразличие по отношению к человеку – вот основные и самые главные «минусы» земной жизни для лирического героя («Вам до меня какое дело...» [Мандельштам 2017: 22]).

Можно допустить, что в данном стихотворении Мандельштам сознательно, без обращения к мифологии, использовал образ жаб. Обратим внимание на слово «здесь» из первой строки. Лирический герой констатирует: здесь смерть. Именно она позволяет ему на основе контраста почувствовать жизнь. Вероятно, герой представляет себя находящимся в царстве мертвых (частый мотив в лирике Мандель-

штама: «В тисках постылого Эреба / Душа томительно живет» [Мандельштам 2017: 28]). Смерть не наступила для него, но он узрел смерть. Возникает параллель не с одним мифологическим сюжетом, который положен в основу некоторых стихотворений Мандельштама: это нисхождение в подземное царство Орфея («Ласточка»), Психеи («Когда Психея-жизнь спускается к теням...») и возвращение их обратно (о сюжете спуска в Аид см. также [Ковалева URL], [Минц 2006: 747–754]). Так, первая строка, действительно, является описанием нижнего мира.

2. Я вижу каменное небо
Над тусклой паутиной вод.
В тисках постылого Эреба
Душа томительно живет. [Мандельштам 2017: 28]

Эреб в греческой мифологии – отец божества реки царства мертвых Стикс, первотенция у Аристофана, «персонификация мрака» [Мифы народов мира 2008: 1122]. У Платона Эреб – мрак, через который души умерших попадают к Аиду. Это объясняет томление души лирического героя: она находится в переходном состоянии, неопределенности: еще не в Аиде, но уже не на земле.

В данном контексте Эреб как имя собственное могло использоваться иносказательно: душа находится во мраке. Однако обращение к мифологии дает более широкий контекст. «Каменное небо» в первой строке уже не представляется угрожающим человеку небом небытия из мира Мандельштама. Оно отсылает к модели ада Данте. Каменное небо – это то, что оказывается верхом, «потолком» для героя, спустившегося в ад. «Тусклая паутина вод» – воды Стикса. Эреб – подземный мрак. Слово «паутина» отсылает к мотиву прозрачности в лирике Мандельштама как атрибуту нижнего мира («мотив “прозрачности” как метафоры царства смерти» [Ковалева URL]). Он оказывается связующим между греческим мифологическим пластом и представлением Серебряного века о нависшей сверху угрозе небытия.

3. ...Но здесь душа моя вступает,
Как Персефона, в легкий круг;
И в царстве мертвых не бывает
Прелестных, загорелых рук. [Мандельштам 2017: 99]

По поводу этого стихотворения («Меганом») хочется сделать одно небольшое замечание, которое касается строк «И в царстве мертвых не бывает / Прелестных, загорелых рук» и их интерпретации Ю.И. Левиным. Исследователь допускает следующую трактовку образа рук: «“Легкий круг” здесь ... снова двойствен: это тени в царстве мертвых (и тогда “душа моя” – душа, отлетевшая от тела), но в то же время “в царстве мертвых не бывает прелестных, загорелых рук”, а здесь они, видимо, есть, – и “легкий круг” становится хороводом живых...» [Левин 1998: 78]. Ю.И. Левин, таким образом, находит противоречие в стихотворении: есть хоровод, состоящий из живых людей (или муз), хотя речь идет о подземном царстве мертвых. Мы же предлагаем альтернативную интерпретацию, которая избавляет от несоответствий, а также позволяет союз «и» трактовать как соединяющий не противоречащие друг другу вещи. Эти строки («И в царстве мертвых не бывает / Прелестных, загорелых рук») являются мыслями-воспоминаниями лирического героя о мире живых, когда он вступает в подземный мир. Их смысл стоит понимать прямо: здесь нет таких загорелых рук, как там, на поверхности, на земле, потому что здесь – только «легкий круг» теней, бледных, бесплотных. Эти строки преподносятся как противопоставление двух миров. Эпитет «прелестные» свидетельствует о борьбе, происходящей в душе лирического героя. Сравним также неприязнь к жабам в стихотворении «Здесь

отвратительные жабы...» и упомянутый факт-сожаление об отсутствии «загорелых рук», т. е. жизни. Разворачивается внутренний конфликт героя: одновременное желание жизни и мысли об успокоении мятущейся души, о смерти.

На предложенную нами интерпретацию вышеупомянутых строк работает и употребление Мандельштамом эпитета «прозрачный» («Еще далеко асфodelей / Прозрачно-серая весна») [Мандельштам 2017: 98]. Он связывается непосредственно с прозрачными тенями душ и отсутствием «прелестных» рук и соединяется с мотивом бледности, который прослеживается, хотя и не называется, в анализируемых строках.

4. ...Что зубами мыши точат
Жизни тоненькое дно –
Это ласточка и дочка
Отвязала мой челнок. [Мандельштам 2017: 104]

В данном отрывке стихотворения «Что поют часы-кузнечик...» отметим образ, который не раз встречается в лирике Мандельштама, – ладья (челнок), переправляющая умерших через Стикс в царство мертвых. Однако К. Тарановский считает, что в данном стихотворении челнок тонет (это подтверждает «дно морское» в следующей строфе, которое, однако, может быть и не конкретным образом дна, а указанием на недоступное место). «Жизни тоненькое дно», которое точат мыши, – это дно челнока [Тарановский 2000: 111]. Мы рискнем допустить, что 3-я и 4-я строки процитированного отрывка имеют прямую связь с мифологическим пластом лирики Мандельштама, так как соседство образов «подтачиваемой» жизни (приближающейся смерти), ласточки и челнока-лодки (она, возможно, будет доставлена для перевозки лирического героя) рисуют картину царства мертвых, которое, таким образом, неявно присутствует в стихотворении, посвященном в большей степени жизни земной.

Нет ничего неожиданного в том, что в контексте с образом лодки соседствует образ ласточки, но интересно, что ласточка в данном случае является не просто вестником иного мира, а проводником в этот мир: она отвязывает челнок. Отметим тождество ласточки и дочки: вторым наименованием может утверждаться душевная близость ласточки лирическому герою. К. Тарановский заметил, что Мандельштам называл свою Музу дочкой в стихотворении «Вернись в смесительное лоно...» (ср. [Тарановский 2000: 112]). Ласточка в свою очередь – многозначный образ у Мандельштама; это в том числе и Муза. Снова дадим некоторые дополнения к образу ласточки-дочки, обратившись к другому стихотворению Мандельштама, как это сделал К. Тарановский, – «Вернись в смесительное лоно...». Возможно, со словом «дочь» у Мандельштама связывается слово «кровосмесительница» не только в названном стихотворении: «На грудь отца в глухую ночь / Пускай главу свою уронит / Кровосмесительница-дочь» [Мандельштам 2017: 119]. Тогда с образом ласточки-дочки связывается мотив греховности, преступления (Лия, дочь Лота; грех Федры); далее проводится параллель к черному солнцу – и снова к царству мертвых. Также под «кровосмесительницей-дочерью» в стихотворении подразумевается Н.Я. Мандельштам; ее можно увидеть и в образе ласточки-дочки. Таким образом, «ласточка и дочка» оказывается сложным концептом, заключающим в себе комплекс смыслов.

5. Черное солнце является лейтмотивом в творчестве Мандельштама (стихотворения «–Как этих покрывал и этого убора...», «Эта ночь непоправима...»). Найдено много возможных источников этого образа и параллелей к нему. Прежде чем отметить новые параллели, кратко обобщим результаты предыдущих исследований.

*А) дионисийский миф Вяч. Иванова
и оппозиция «дневное солнце – Аполлон VS. ночное солнце (черное) – Дионис»*

Творчество Вяч. Иванова как основной источник образа черного солнца в творчестве Мандельштама рассматривается в статье Евг. Сошкина «Черное солнце, украденный город (О единстве двух мандельштамовских лейтмотивов)» [Сошкин 2013]. Действительно, это самый вероятный вариант появления данного образа у Мандельштама. Согласно «Эллинской религии страдающего бога» Вяч. Иванова, Дионис воспринимается как антипод Аполлона, бога солнца, и одновременно его дополнение. Дионис – то же солнце. В качестве одной из ипостасей Диониса утверждается ипостась «бога сени смертной», «Солнца теней» [Иванов: URL]. Вяч. Ивановым прослеживается связь Диониса с Аидом через образ Диониса Загревса, имя которого является именем бога смерти.

Б) Евангельские источники

Черное солнце – солнечное затмение во время распятия Христа символизирует смерть Бога и человека.

В) Дионис и Египетский Осирис-Ра

Б. Минц отметила еще одну параллель, неоорфическую, приводя в пример слова из книги М. Элиаде «История веры и религиозных идей» о том, как неопит спускается в подземное царство, где видит «сияющее среди ночи солнце» [Элиаде 2002: 246–247], и возвращается назад. Это увиденное ночное солнце соотносится М. Элиаде с египетским Осирисом-Ра, который ночью обходит царство мертвых. Б. Минц связывает с Осирисом Диониса как тождественного бога; если учитывать мотив самопожертвования, то к этому соотношению добавляется Орфей [Минц 2006: 752].

Однако заметим, что Осирис лишь владыка подземного мира в египетской мифологии, хотя в определенный период развития государства его связали с богом солнца Ра и «стали изображать с солнечным диском на голове» [Мифы народов мира 2008: 768]. Отметим более точную параллель: согласно верованиям Древнего Египта, существовал бог дневного солнца Ра (наряду с вечерним солнцем Атумом и утренним Хепри). Интересна его связь с загробным миром: он, как Осирис, принимал участие в загробном суде и дарил тепло умершим, выходящим днем из гробниц. Также есть несколько вариантов мифа: согласно одному из них на ночь Ра спускается в загробный мир и плывет по подземному Нилу, чтобы утром снова появиться на земле (ср. [Мифы народов мира 2008: 848]). Двойником бога дневного солнца Ра в подземном мире был «темный» бог Амон – ночное солнце.

Г) Параллели в мифах Древней Греции

Считалось, что в подземном царстве есть собственное черное солнце. Его олицетворял титан Гиперион, который является отцом бога солнца Гелиоса. Эти боги часто отождествлялись. Изначально Гиперион был богом дневного солнца, но после появления Гелиоса он уступает место последнему, а сам занимает место солнца нижнего мира.

- б. Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда.
Как нам велели пчелы Персефоны.
<...>

Возьми ж на радость дикий мой подарок –
Невзрачное сухое ожерелье
Из мертвых пчел, мед превративших в солнце! [Мандельштам 2017: 113]

В данном стихотворении Мандельштам использует миф о пчелах. В Древнем Египте считалось, что пчела родилась от слез бога солнца Ра, поэтому она принадлежит божественному загробному миру. В Древней Греции, к которой и обращается поэт, пчелами назывались жрицы Персефоны. В первой строфе речь идет именно о них. Сама Персефона дарила «нити с нанизанными на них мертвыми пчелами как символ истощившей себя жизни, которая тем не менее должна снова ожить и наполниться, благодаря содержащему в себе энергию солнца меду» [Евзлин URL]. Соты – прообраз хтонического мира, где таится солнечная энергия и энергия жизни. В «Мифах народов мира» В. Иванов и В. Топоров связывают мед и пчел с мотивом нисхождения в царство мертвых «ради обретения высшей творческой силы – новой жизни, бессмертия» [Мифы народов мира 2008: 845].

Таким образом, главным сюжетным мотивом, влекущим за собой появление образов (мыса Меганом, жаб, пчел, черного солнца, Эреба, ласточки), связанных с загробным миром, является нисхождение лирического героя Мандельштама в подземное царство мертвых. Нижний мир оказывается тесно связанным с земным миром и верхним миром небытия и одновременно им противопоставленным. Мифологизация пространства, принадлежащего смерти, уменьшает страх лирического героя Мандельштама перед небытием и роком.

ЛИТЕРАТУРА

Гаспаров М.Л. Orpheus Faber (Труд и постоянство в поэзии О. Мандельштама) // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М., 1995. С. 221–236.

Левин Ю.И. Заметки о «крымско-эллинических» стихах // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. 824 с.

Мандельштам О.Э. Полн. собр. поэзии и прозы в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2017. 1182 с.

Миц Б. Мотив нисхождения в царство мертвых в поэзии Осипа Мандельштама: Западные и восточные мифологические источники // Восток – Запад: Пространство русской литературы и фольклора. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2006. С. 747–754.

Мордвинов А. Сюжет черного солнца в творчестве О. Мандельштама // Человек. Культура. Слово: Мифопоэтика древняя и современная. Вып. 2. Омск, 1994. С. 84–131.

Сошкин Е. Черное солнце, украденный город (о единстве двух мандельштамовских лейтмотивов) // Toronto Slavic Quarterly. 2013. №46. С. 94–134.

Тарановский К. Часы-кузнечик. Разбор одного «заумного» стихотворения // Тарановский К. О поэзии и поэтике. М.: Языки российской культуры, 2000. С. 105–122.

Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 2: От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М., 2002. 512 с.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Гальцова Е.Д. Путешествия Осипа Мандельштама в Крым: поэтическая медиализация: lit.wikireading.ru/46575 (дата обращения: 29.08.2021).

Евзлин М. Стрелы Купидона – мед Персефоны: iacchius.livejournal.com/15189.html (дата обращения: 10.08.2021).

Иванов Вяч. Эллиническая религия страдающего бога: rvb.ru/ivanov/1_critical/2_eshill/01text/02add/08.htm (дата обращения: 28.07.2021).

Иванов М. Ласточка О.Э. Манделъштама // Звезда. 2016. № 1: magazines.gorky.media/zvezda/2016/1/lastochka-o-e-mandelshtama.html (дата обращения: 28.07.2021).

Ковалева И. Психея у Персефоны: об истоках одного античного мотива у Манделъштама: magazines.gorky.media/nlo/2005/3/psiheya-u-persefony-ob-istokah-odnogo-antichnogo-motiva-u-mandelshtama.html (дата обращения: 10.08.2021).

REFERENCES

Gasparov M.L. Orpheus Faber (Work and Constancy in the Poetry of O. Mandelstam). In: Gasparov M.L. Selected Articles. Moscow. 1995, pp. 221–236.

Eliadze M. (2002) History of Faith and Religious Ideas. In 3 vols. Vol. 2: From Gautam Buddha to the Triumph of Christianity. Moscow. 512 p.

Levin Y.I. Notes on the “Crimean-Hellenic” Verses. In: Levin Y.I. Selected Articles. Poetics. Semiotics. Moscow. Jazyki Rossiyskoy Kultury Publ. 1998. 824 p.

Mandelstam O.E. (2017) The Complete Collection of Poetry and Prose in One Volume. Moscow. ALPHA-KNIGA Publ. 1182 p.

Minc B. The Motif of Descent into the Realm of the Dead in the Poetry of Osip Mandelstam: Western and Eastern Mythological Sources. In: East-West: The Space of Russian Literature and Folklore. Volgograd. 2006, pp. 747–754.

Mordvinov A. The Plot of the Black Sun in the Works of O. Mandelstam. In: Person. Culture. Word: Ancient and Modern Mythopoetics. Omsk. 1994, pp. 84–131.

Soshkin E. The Black Sun, the Stolen City (about the Unity of Two Mandelstam Leitmotifs). *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. No 46, pp. 94–134.

Taranovskij K. The Grasshopper-Clock. Analysis of One “Abstruse” Poem. In: Taranovskij K. About Poetry and Poetics. Moscow. Jazyki Rossiyskoy Kultury Publ. 2000, pp. 105–122.

ELECTRONIC RESOURCES

Evzlin M. Cupid’s Arrows – Persephone’s Honey: iacchius.livejournal.com/15189.html (data accessed: 10.08.2021).

Galcova E.D. Osip Mandelstam’s Travels to the Crimea: Poetic Medialization: lit.wikireading.ru/46575 (data accessed: 29.08.2021).

Ivanov V. The Hellenic Religion of the Suffering God: rvb.ru/ivanov/1_critical/2_eshill/01text/02add/08.htm (data accessed: 28.07.2021).

Ivanov M. O.E. Mandelstam’s Swallow. *Svezda*. 2016. No 1: magazines.gorky.media/zvezda/2016/1/lastochka-o-e-mandelshtama.html (data accessed: 28.07.2021).

Kovaleva I. Psyche at Persephone: About the Origins of an Ancient Motif in Mandelstam: magazines.gorky.media/nlo/2005/3/psiheya-u-persefony-ob-istokah-odnogo-antichnogo-motiva-u-mandelshtama.html (data accessed: 10.08.2021).

Сведения об авторе:

Дарья Алексеевна Аксенова,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Darya A. Aksenova
Master’s Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
a.darya2809@yandex.ru